

СОВЕТСКОЕ ПРИАНГАРЬЕ

1994
СУББОТА
5 НОЯБРЯ
136-137 (7849-50)

ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ГАЗЕТА
КЕЖЕМСКОГО
РАЙОНА

✦ ВРЕМЯ И ЛЮДИ

КАК ПРОСТО и понятно мы жили всего каких-нибудь 10 лет назад. Позади — боевое прошлое, впереди — прекрасное будущее. Никаких сомнений в целесообразности справедливости развитого социалистического общества, методов и путей его построения. Кривлю душой — сомнения, конечно, были, но они загонялись вглубь, подпитывались блестящей, отлаженной пропагандистской машиной (нынешним правителям такую создать не по силам). Кто из нас не помнит фотографии из учебника истории: дореволюционная, темная, грязная шахта с изможденным шахтером и рядом — советская — ярко освещенная, полностью механизированная.

Мы хорошо усвоили в школе, что послереволюционная Россия из аграрной, слабо развитой страны — стремительно превратилась в мощную индустриальную державу. Мы знали, что в стране была задумана и воплощена в жизнь программа ликвидации неграмотности, что только при Советской власти дети бедняков стали учиться в высших учебных заведениях. Много доброго и хорошего знали мы о своей стране. И все это было правдой.

После 1985 года мы узнали и другое: как истреблялся народ, как был вырезан цвет российской интеллигенции, как, в итоге, на чьих костях была проведена индустриализация страны. Нам открылось много страшных фактов, прежде тщательно скрываемых. И это тоже была правда.

Эти правды разделили к началу 90-х годов наш народ на два лагеря — каждый несет сегодня на знаменах только свою правду.

Пройдет время и, я уверена, будут написаны новые учебники истории, которые учтут все, беспристрастно и правдиво расскажут нашим правнукам — что же дал России советский период, за что мы будем вспоминать его добром, и за что — проклинать.

ЖИВЫХ СВИДЕТЕЛЕЙ 17-го ГОДА в стране осталось немного. Мне повезло — на днях я познакомилась с одним из них — **Анастасией Ивановой БРЮХАНОВОЙ**. Она — коренная ангарка, ровесница века — родилась в 1900 году в деревне Заимка Кежемского района. Встреча и беседа с ней, пожалуй, одно из самых сильных моих впечатлений уходящего года.

Полностью сохранив и в зрелом возрасте здоровый смысл, природную мудрость, чувство юмора Анастасия Ивановна вызвала у меня восхищение, даже восторг. Я смотрела на нее, как на чудо: трудно было поверить, что этой старой женщине с большими ясными глазами столько же лет, сколько 20-му измученному веку.

Попросив Анастасию Ивановну рассказать о дореволюционной жизни, я замороженно слу-

РОВЕСНИЦА ВЕКА — А. И. БРЮХАНОВА.

Фотоколлаж А. ЖУРАВЛЕВА.

„ОТ ЦАРЯ ПОМОЩИ НЕ ДОЖИДАЛИСЯ...“

шала напевную народную речь (боюсь, что мне не удастся донести в полной мере ее красоту — побоялась напугать А. И. диктофоном, записывала на слух):

— Революция? Царя убрали — вот жизнь и переменялась. Раньше-то его портретики в каждой избе висели. Красивый был царь, в мундире, с «полетами». Но до царя далеко было, мы токо его слуг знали — начальников разных из уезда, волости (не помню, как назывались). Начальство было задавалостое. Уж наш староста не знал, как их встретить да проводить, тройку лошадей лучших завсегда для них держали...

Как разговоры пошли, что переворот, царя скинули, у нас мужики заперезживали — выбьют всех, поубивают. А один говорит: «За че нас убивать? Придут, что попросят — дадим. За че убивать-то?» Так на него потом, когда красные пришли, активисты и показали. Расстреляли. Тогда многих расстреляли, а ничем они не виновные были. Просто

обозлились друг на дружку, и показывают — вредители. Их и постреляли. Красноармейцы пришли, они не знают — правду активисты сказали или нет. И народ убили зазя. Потом церкви стали рушить. Они тогда везде были, по всем деревням. Самая красивая, каменная — в Кежме, я там со своим Павлом венчалась. Вот, смотрите, это ее фотография на стене — брат мужа в Москве переснял и нам прислал. Долго ее клали, старались. Еще до нас.

Активисты подговорили двух дураков (мужчину и женщину уже в годах), они залезли на колокольню и стали кричать: религия ни к чему, долой церкви, долой религию. Заставили народ церкву ломать. Сломали, кирпичи, а кто иконки, по домам тасили. По церкви сильно соболезовали, только сил не было отстоять. Боялись. Сила у активистов была, хоть и было их всего человек десять.

Потом молиться стали по избам. Кто-то боялся, иконки убрал. А у нас иконы от края

до края стояли в обоих хозяйствах — и в девушках, и в замужестве.

Жених у меня был кежемский. К нам в Заимку из всех деревень приезжали свататься. Дружить, как сейчас дружат, ни дружили. Об этом и думать нельзя было. У нас мода была — на гляд брать. По родству подбирали. В первую очередь родители смотрели — им жених по нраву должен. Но невесту не неволили. Мою сестру три раза сватали, а у ей другой был на примете. Так и не пошла, хотя родителям тот жених нравился.

Наша семья крепкой считалась, пашни было много и скота. Денег не было, но это тогда не главное было. Хорошо жили, коровушек по пяти было. Отец мой был способный к земледелию, труженик. Сирота, в людях вырос, а нас всем сам поднял — пятерых детей: три дочки, два сына. Никого ни в няньки, ни в приемыши не отдавал. Раньше ведь многие приемышей

добровольно брали, у кого своих детей не было.

Отец и к ружью добывал, белку сдавал. Кто средне жил, как мы, все неплохо питались. Убойка, молоко, сметана, картошка, рыба. В огороде садили лук, морковь, репу, редьку помидоры да огурцы уже в нынешние времена стали садить, ранее не знали. Ягод набирали много, грибов.

Конечно, если одна коровенка на дворе — скудовато кормились (был у нас такой сосед). Но мы крепко, хорошо жили. Земли у нас было много, только работай, пашня, покосы. На мужика по четвертине земли давали, а на девок — ничего. И когда девки замуж выходили, не было моды одевать их пашней или какими строениями. Только у кого скотика много, могли дать в приданое телочку или овечку, да и то не завсегда.

(Окончание на 2-й стр.).

„ОТ ЦАРЯ ПОМОЩИ НЕ ДОЖИДАЛИСЯ...“

(Окончание.)

Начало на 1-й стр.)

Меня семья мужа хорошо приняла, не обижали. Лет десять с родителями прожили, а потом уж выделились. Тоже крепко жили, не бедовали.

Когда колхозы стали создавать, мы сразу-то в него не пошли (семей десяток таких было). Но после дележки стали быстро налогами частников облагать — мы и вступили.

В колхозе у нас тоже очень хорошо работали — все же с выработки получали, зерном, было за что работать. За пашней следили хорошо — хороший урожай был, и хлебом хорошо обеспечивались. И ранее, до переворота, кто работал, тот и жил. И когда работников на хлебопашество нанмали, платили им хорошо, которые и очень хорошо. А активисты потом поставили, что они не за что работали — неправда это.

Школа у нас в деревне была, только нам учиться не хотелось. Я побегала два-три месяца и бросила. Лутче, говорю, я ткасть, прясти буду. И братья мои учиться не стали, а кто хотел — учился. В школе людниватенько было.

Буквы-то я знала, но никак не могла уголковать, как их в слова складывать. Так читать и не научилась. А цифры запомнила, деньги хорошо считала. Сын и дочь мои уже по 7 классов закончили.

И фершал в селе был, лечил. Но детей много умирало. Помню, говорили: вот успеенка в августе придет — многих подберет. Это когда много зелени всякой появлялось, у детей поносище открывался, спасать не умели.

Как отдыхали? Зимой, начиная с Миколы, и до Крещения, ходили на игрища. Дом закупали — платили хозяйке булками, а парни свечи приносили. Праздники все праздновали, хороводы водили среди улицы. У одного холостяка

балалайка была, гармошку приносили — пели, плясали...

Анастасия Ивановна рассказывала, а я все старалась выспросить: лучше ли стало жить после революции, надо ли было ее совершать и что она думает о сегодняшних днях?

— И до революции жили всяко — кто бедно, кто богато. И сейчас все также. Но у нас в Заимке до революции мангазия была — несколько больших амбаров с зерном. Это население копило свой запас на черный день. Если у кого неурожай, то приходили и брали в долг, до следующего урожая. С голоду никто не умирал. Это было дело деревни, человек по службе был в мангазию поставлен. Возвращать долг нужно было обязательно, но и взять мог каждый...

А нынче — хоть стой, хоть падай — никто не даст. Хозяйство все растрепано, старый народ износился, а молодежь работать не умеет. Измены да перемены теперь каждый день. Когда Брежнев умер, а потом еще один за одним, новый хозяин пришел. Я по радио его слушала. По-ученому не толкую, никого не поняла, но поняла, что новую жизнь нам обещает. Народ-то взбодрился, поверил...

А что теперь? Ну как до такого может хозяин допустить? Нам родители часто говорили: придет время, не будет ни суда, ни правежа. Как они об этом знали? Теперь народ бьют как собак — и ничего.

Что за хозяин такой, если не может хозяйство вести? То он так брякат, то он эдак брякат... Уж работников в себе измучил, они все считают, считают... Ранее мы на пенсию жили нормально, паек хороший получали. А нынче жизнь настала удивительная — думаем, как лучше со свету убраться, чтобы с голоду не помирать.

От царя-то мы раньше никакой помощи не дожидались, ранее царь ничем не беспокоился, что надо народ кормить. Народ сам кормился. Это в колхозах уже запасов не стало, все государству отдавали. А теперь: накормят — спасибо, нет — пропалать будем.

Не было бы переворота, не хуже бы жили. Если бы жнейки, молотилки, трактора крестьянам дали — хлебопашество было бы огромное, не зарастали бы покосы и пашни.

Как молодым жить? Живите, как можете, своим умом. **МЫ БОГА ПОТЕРЯЛИ, А БОГ НАС ПОТЕРЯЛ.** Мы от Бога отступились, а он от нас...

Уже прощаясь, я попросила Анастасию Ивановну показать старые фотографии. Она достала из комода заветный конверт. Были там и дореволюционные снимки: семья свекра, в которой начинала Настя замужнюю жизнь; ва-тага молодых людей, как будто сошедших со страниц рассказов М. Горького; учащиеся приходской школы со своим учителем — священником. Я внимательно вглядывалась в лица людей, живших до нас, пытаюсь понять — были ли они счастливее, что мы потеряли, что обрели за этот век? Меня поразило лицо священника — светлый лик ДУХОВНОГО человека. Сегодня таких не встретишь.

Какими глазами будут смотреть в конце 21-го века на наши фотографии? Что прочитают потомки в наших лицах?

Н. ЗОНОВА.